

Т. Г. Фруменкова

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МАРИИНСКИМ ВЕДОМСТВОМ И ПЕТРОГРАДСКИМ ВОСПИТАТЕЛЬНЫМ ДОМОМ В МАРТЕ–ОКТАБРЕ 1917 года

В 1917 г. столичный воспитательный дом оказался в числе малых эпицентров политического и социально-экономического противостояния, стал одним из плацдармов работы реформаторов в сфере образования.

Особая острота возникших перед воспитательными домами проблем, думается, была связана, прежде всего, с их принадлежностью к Мариинскому ведомству, тесно связанному с императорской фамилией. В первую очередь, произошли революционные изменения в управлении ими.

Мариинское ведомство занимало особое место среди государственных учреждений дореволюционной России и состояло под управлением Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Высочайшим покровителем ведомства являлась императрица Мария Фёдоровна, последним статс-секретарем — А. Г. Булыгин. В его составе находились учреждения по призрению детей-сирот, учебно-воспитательные заведения для детей-инвалидов, закрытые женские институты, несколько мужских учебных заведений, Мариинские женские гимназии и училища для приходящих учениц, богадельни, больницы, а также попечительства со своими благотворительными заведениями — всего более 500 благотворительных и учебно-воспитательных учреждений [1]. Работой заведений Мариинского ведомства в обеих столицах руководил опекунский совет из почетных опекунов. На эту придворную должность в начале XX в. обычно назначали немолодых военных и штатских генералов. Монарх своим указом вверял каждому из них управление определенным заведением «по учебно-воспитательной» или «по административно-хозяйственной части». Опекунский совет считался единым органом, но имел два раздельно заседавших присутствия — Петроградское и Московское. Ответственные должности в ведомстве занимали лица, близкие ко двору, его служащие имели ряд привилегий [2].

С падением монархии рухнула и старая система управления Мариинскими учреждениями. 7 марта 1917 г. было подготовлено «распоряжение комиссаров Временного правительства по учебным заведениям и учреждениям бывшего ведомства императрицы Марии». Комиссар Е. П. Ковалевский и его заместитель М. М. Ичас извещали, что «постановлением Совета министров от 4 марта сего года ведомство передано в ведение Министерства народного просвещения с назначением для временного управления при нем особых комиссаров» [3]. 9 марта «комиссары Исполнительного комитета Государственной думы Ковалевский и Ичас предложили подать в отставку Главноуправляющему ведомством императрицы Марии Булыгину и его помощнику Кистеру. Комиссары предполагают в ближайшее время произвести серьезные перемены в среде персонала, ведающего учебными заведениями императрицы Марии» [4]. 14 марта В. К. Кистер был уволен «с оставлением сенатором» [5].

Двумя днями ранее, 12 марта 1917 г., министр народного просвещения подписал бумаги, определившие должностное положение комиссаров. Документ под № 103 был адресован «г. комиссару Временного правительства по учреждениям императрицы Марии,

члену Государственной думы» Е. П. Ковалевскому. «Прошу Вас вступить в управление ведомством учреждений императрицы Марии на правах начальника главного управления, — писал А. А. Мануйлов. — Одновременно с сим я обращаюсь с просьбой к членам Государственной думы М. М. Ичасу быть Вашим заместителем». Документ такого же содержания под № 102 был адресован М. М. Ичасу. Он извещал адресата о просьбе, обращенной к Е. П. Ковалевскому, и, в свою очередь, просил М. М. Ичасу «принять обязанности заместителя его» [6].

Постановлением Временного правительства от 12 мая 1917 г. Ведомство учреждений императрицы Марии было включено в состав Министерства государственного призрения. 16 мая в управление министерством вступил кн. Д. И. Шаховской [7]. 17 мая комиссары Е. П. Ковалевский и М. М. Ичас сложили свои полномочия и вскоре покинули столицу [8]. 3 июля 1917 г. в ходе кризиса Временного правительства Д. И. Шаховской подал заявление об отставке. 10 июля управляющим министерством стал А. А. Барышников. 25 июля 1917 г. министром государственного призрения был назначен И. Н. Ефремов [9].

В марте 1917 г. в управлении было подготовлено представление в Совет министров о приостановке деятельности опекунского совета. Текст был написан от первого лица, видимо, Е. П. Ковалевским. Отправителем документа значился «министр народного просвещения по управлению ведомством императрицы Марии». Сохранился отпуск документа, который должен был подписать «министр народного просвещения, комиссар» (впрочем, возможно, имелись в виду две подписи). Так или иначе, комиссар считал себя «министром Мариинского ведомства» и, по сути, был им.

«Обсудив вопрос о порядке разрешения дел по ведомству учреждений императрицы Марии, я полагал бы, — говорилось в представлении, — 1) деятельность опекунского совета по Петроградскому и Московскому присутствиям... приостановить, предоставив министру народного просвещения... назначать заседания опекунского совета под его председательством и при участии комиссара и его заместителя, в случае же отсутствия министра председательствование в совете возложить на комиссара; 2) все права и полномочия опекунского совета... возложить на особое совещание под председательством министра народного просвещения, комиссара Временного правительства по учреждениям императрицы Марии, его заместителя и управляющего делами ведомства, а также почетных опекунов тех заведений, дела коих подлежат обсуждению...; 3) почетных опекунов, заведывающих учебной частью отдельных заведений..., освободить от исполнения ими сих обязанностей» [10]. Постановление о приостановке деятельности опекунского совета вышло в марте, а окончательно его упразднили в июле 1917 г. [11], но путь к его ликвидации, несомненно, был проложен работой комиссаров, хотя полного роспуска совета комиссары еще не планировали.

В первой половине марта произошли серьезные изменения и в руководстве Петроградским воспитательным домом. 6 марта 1917 г. его директор назначил на 8 марта собрание всех служащих заведения «для решения вопроса о принятии выборного начала службы по воспитательному дому». Однако в тот же день «вследствие того, что главное управление ведомства и опекунский совет признали власть Временного правительства, в помещении главного управления (Казанская, 7) прибыли два комиссара Государственной Думы Е. П. Ковалевский и М. М. Ичас, от которых сделалось известным, что все ведомство со всеми учреждениями переходит в Министерство народного просвещения и что в ближайшие дни будет разрешен вопрос о порядке избрания и назначения должностных лиц по отдельным учреждениям ведомства. Главное управление ведомства, которому сделалось известным о предполагаемом собрании, объявило директору, что до выяснения вопроса, какие должности по воспитательному дому сохранятся при переходе его в Министерство... преждевременно определить, какие из них будут

выборными. Поэтому назначенное директором дома на 8 марта собрание служащих является преждевременным и отменяется до получения надлежащих указаний от вышеозначенных членов Государственной Думы». На следующий день почетный опекун генерал от инфантерии Брок известил своих подчиненных: «Престарелые мои годы и обострившиеся болезни ставят меня в невозможность направлять дальнейшую просветительно-благотворительную деятельность Петроградского воспитательного дома, во главе управления которым я находился со 2 мая 1900 г.». Итак, почетный опекун удался от дел, не дожидаясь расформирования совета. 11 марта по распоряжению начальства «в виду болезни директора дома П. Н. Исаева исполнение обязанностей директора и председательствование в правлении дома» было временно возложено на главного врача доктора И. А. Климова [12]. На службу П. Н. Исаев больше не вернулся, и доктор исполнял директорские обязанности до 15 сентября 1917 г. По распоряжению министра И. А. Климов был освобожден от исполнения директорских обязанностей «согласно прошению». И.о. директора был назначен профессор Женского педагогического института С. И. Созонов. В апреле 1917 г. уволилась также главная надзирательница Е. А. Люфнер (ее место заняла старшая надзирательница Н. И. Каттани), а в мае — помощник директора И. П. Пороховников. На эту должность назначили «варяга» — неперменного члена Витебской губернской землеустроительной комиссии К. Г. Доппельмайера [13].

В день своего назначения и.о. директора назначил «организационное заседание правления вместе с депутатами от групп служащих и кормилиц дома по вопросу о полном переустройстве воспитательного дома на новых началах» [14]. Однако 18 марта в воспитательном доме было объявлено постановление Временного правительства о порядке определения на должности, которое должно было производиться указами правительства и начальства подведомственных ему учреждений. Таким образом, работой воспитательного дома по-прежнему должен был руководить директор вместе с правлением — коллегией высших чиновников. В архивных документах не удалось обнаружить сведений о том, каким было юридическое положение упомянутых И. А. Климовым коллегий. Не сохранилась документация делегатского собрания. Циркулярные предписания и приказания, сохранившиеся в ЦГИА СПб, выпускались от имени правления и подписывались и.о. директора. Впрочем, случайно, при просмотре одного из полутора десятков дел ф. 759 РГИА, имеющих сходный заголовок: «Переписка,.. найденная в столах чиновников после забастовки в ноябре 1917 г.», удалось найти отпуск письма Е. П. Ковалевского, отправленного почетному опекуну Московского воспитательного дома 31 марта 1917 г. Руководитель Мариинского ведомства рекомендовал москвичам провести такие же преобразования, как и в Петроградском доме, для того, чтобы разрядить существовавшую в Москве напряженность. И. А. Климов подготовил для него справку о тех новшествах, которые введены в столице. По его компетентным сведениям, «руководство Петроградским воспитательным домом находится в руках коллегии служащих (последние два слова в черновике были зачеркнуты) совета делегатов служащих. Делегаты избираются из следующих групп служащих: 1) два делегата от мужчин-врачей грудных отделений дома; 2) два делегата от женщин-врачей грудных отделений дома; 3) два делегата от надзирательниц; 4) два делегата от фельдшерниц; 5) два делегата от служительниц; 6) два делегата от мужской прислуги; 7) два делегата от служащих немедицинского персонала; 8) два делегата от кормилиц; 9) два делегата от педагогического персонала училища нянь и учительской семинарии; 10) два делегата от столичного округа; 11) два делегата от окружных врачей; 12) два делегата от окружных надзирателей; 13) два делегата от педагогического персонала сельских школ. Кроме того, в состав делегатского совета входит директор, главный врач с двумя помощниками, из коих один по медицинской

части, а другой — по хозяйственной части. Специально медицинскими делами ведает медицинский совет, состоящий из врачей грудного отделения дома, двух делегатов от столичного округа и двух делегатов от округов. Хозяйственная часть находится в ведении хозяйственного комитета, состоящего из директора, помощника его, эконома и отдельных представителей групп служащих» [15].

Отрывочная информация о деятельности выборных учреждений разбросана по архивным делам. 16 марта приказом И. А. Климова устанавливалось дежурство по кухне воспитательного дома. Очередь этих дежурств вели «делегаты, выбранные от каждой группы» [16]. 7 мая собрание кормилиц, младшего и среднего персонала служащих потребовало усилить контроль над распределением продуктов.

30 марта И. А. Климов сообщил в главное управление ведомства, что окружные врачи и надзиратели на только состоявшемся съезде единогласно постановили «о нежелательности оставления в числе служащих воспитательного дома чиновника особых поручений при бывшем почетном опекуне г. камергера А. Г. фон Лауделя, потому что он проявляет неблагоприятные и нечестные поступки по отношению к ревизуемым лицам. К этому ходатайству присоединяются и все врачи, которые характеризуют г. Лауделя как тайного агента почетного опекуна. ...Я считаю, что должность чиновника особых поручений может быть упразднена». Просьбу удовлетворили [17]. 19 апреля И. А. Климов сообщил начальству, что «как кормилицы, так и младший служительский персонал» просили его «организовать чтение бесплатных лекций по вопросам текущего момента и занятий общеобразовательными предметами». И. о. директора обратился «в Лутугинский народный университет с просьбой взять на себя устройство таких занятий в доме. Эти занятия ведутся... уже более трех недель, причем руководительницей этого дела явилась преподавательница Лутугинского университета, Николаевского сиротского института и Мариинской женской гимназии Мария Александровна Синявская. В настоящее время встречается нужда в приобретении различных учебных книг, устройстве библиотеки для чтения важных газет и т. п.». И. А. Климов просил отпустить «на просветительские нужды воспитательного дома» определенную сумму. Размер ее и.о. директора не указал, но обратил внимание начальства, что Петроградский городской комитет Всероссийского союза городов просил отпустить лазаретам для раненых на просветительские цели «по 30 руб. на кровать в месяц». Воспитательному дому было дополнительно ассигновано воспитательного дома подобного рода просветительную деятельность» [18], проводившуюся по просьбе низших служащих.

15 мая в главное управление ведомства было направлено представление Петроградского дома. Правление во главе с и. д. директора поддержало мнение «совета делегатов, управляющего... домом» об увеличении сумм на содержание летних детских яслей для содержания деревенских воспитанников в страдную пору. Контролю ведомства требуемая сумма показалась преувеличенной. В июне точку зрения совета поддержал съезде окружных врачей и надзирателей округов. Значительная часть запрошенных сумм была отпущена. На протяжении 1917 г. делегатское совещание Петроградского дома приняло подготовленный И. А. Климовым проект реформы воспитательных домов, который предлагал устраивать осиротевших детей «в особых колониях». Собрания низших служащих воспитательных домов и других учреждений ведомства вынудили Временное правительство повысить их жалование [19].

Комитеты — медицинский и хозяйственный — работали, их решения требовали утверждения правления, а они, как и правление, вынуждены были учитывать мнения собраний разных категорий служащих и их делегатов. Подобная система управления действовала в Петрограде до конца 1917 г. Так или иначе, ситуация в Петроградском доме была относительно спокойной, по крайней мере, управляемой.

Иначе было в Москве, по крайней мере, до лета 1917 г., — там обстановка была значительно более острой. В борьбу за власть в московских заведениях ведомства включились профсоюзы и Совет рабочих депутатов. В 20-х числах марта 1917 г. управляющий домом кн. А. Б. Голицын отправил в адрес Е. П. Ковалевского телеграмму: «Неопределенность положения воспитательного дома волнует служащих = Возникло брожение среди рабочих, предъявляющих чрезмерные экономические требования, разрешение коих зависит от главного управления ведомства». Он заявил: «Желателен ваш скорый приезд = Благоволите телеграфировать, когда прибудете в Москву» [20].

Последовала резолюция Е. П. Ковалевского, которая сохранилась в нескольких черновых вариантах. «Сообщить Голицыну, что приеду в Москву на пасхальной неделе. Пока прошу образовать для обсуждения вопросов о преобразовании и нуждах дома совещание из представителей по примеру Петроградского дома, можно ввести и порядок управления, как применяемый здесь», — написал сам Е. П. Ковалевский на бланке телеграммы кн. А. Б. Голицына. Очевидно, на основе этой резолюции подчиненные комиссара составили письмо, им исправленное. В окончательном варианте оно, судя по всему, выглядело так: «На письмо от 20 сего марта и телеграмму от 25 того же месяца уведомляю, что я приеду в Москву на пасхальной неделе и рассчитываю быть три дня, пятницу, субботу и воскресенье. Пока Вы могли бы по примеру Петроградского воспитательного дома созвать совещание для обсуждения вопросов о желательном преобразовании и нуждах Московского воспитательного дома, причем управление домом пока оставить прежним, но состав хозяйственного комитета можно бы несколько пополнить, а для медицинских дел образовать медицинский совет. Председательство в этом совещании лучше бы всего возложить на старшего врача» [21]. 31 марта 1917 г., как уже отмечалось, ответное письмо в Москву было отправлено.

12 апреля «Вестник Временного правительства» сообщал, что «управляющий делами бывшего ведомства... приехал в Москву после обзора провинциальных учреждений ведомства». По сообщению газеты, в древней столице комиссар «предполагает ознакомиться с московскими учебными заведениями, больницами и благотворительными учреждениями. Особое внимание уделено будет воспитательному дому... В управлении домом произведены будут коренные преобразования, и участь полукрепостных питомцев и питомиц улучшена» [22]. Нетрудно заметить, что газетная заметка является лишь декларацией намерений.

К успокоению в воспитательном доме и связанных с ним московских институтах визит комиссара не привел. Как раз в эти дни конфликты в Москве достигли апогея. Составленная в главном управлении справка включала такой перечень основных проблем: «1. Заявления профессионального союза рабочих и низших служащих об установлении управления заведениями местными выборными комитетами (Московский воспитательный дом и Московский сиротский институт); 2. Трения между начальствующими лицами и служащими в ...доме и... сиротском институте; 3. Телеграмма кн. М. В. Голицына и комиссаров... об организации в Москве специального управляющего органа в виду осложнений» [23]. Обстановка в московских учреждениях ведомства продолжала обостряться до конца апреля 1917 г.

27 апреля события в Москве, в первую очередь, в воспитательном доме, вызвали появление циркуляра Министерства народного просвещения, адресованного «местным начальствам заведений ведомства учреждений императрицы Марии». Об этом циркуляре был уведомлен и Петроградский дом: «По имеющимся сведениям в некоторых заведениях... собраниями служащих в последнее время делаются постановления о смещении лиц учебно-воспитательного и административного персонала и избрания на их место кандидатов, причем такие постановления сопровождаются нередко угрозами немедлен-

ного удаления нежелательных лиц из данного учреждения». Министр народного просвещения по представлению комиссаров заявлял: «Подобные самочинные действия недопустимы в правовом государстве и не соответствуют принципам свободы и неприкосновенности личности. При недовольстве же должностными лицами, вызванном допущенными с их стороны злоупотреблениями, необходимо в каждом отдельном случае вполне определенно указать как причины недовольства, так и самые факты, послужившие к обвинению должностного лица. Подобные обоснованные жалобы должны быть, прежде всего, направлены в местный совет заведений, который обязан в кратчайший срок рассмотреть их, и в случае невозможности устранить причину недовольства, немедленно передать жалобу со своим заключением в главное управление ведомства для производства им расследования на основании достаточно полного материала» [24]. 1 мая профсоюз рабочих и низших служащих больниц и учебных заведений обратился с письмом в правление Московского дома. В нем говорилось: «Согласно разъяснению Совета рабочих депутатов, профсоюз... доводит до сведения администрации, что каждое учреждение обязано в самый кратчайший срок произвести выборы членов в местный комитет, который и должен управлять этим учреждением». В письме излагался порядок выборов, в которых «не должна принимать участия высшая администрация». После выборов, по требованию профсоюза, «все прежние советы, правления, комитеты и прочие виды управления, должны быть немедленно упразднены, так как такие установления старого режима отжили свое время и не могут быть терпимы при введении в строй демократической республики. Если учреждениям не угодно самим произвести выборы на вышеупомянутых принципах, то профсоюз... покорнейше просит в течение трех дней известить его правление по адресу: Солянка, воспитательный дом, профсоюз низших служащих больниц учебных заведений». В ответ на это 8 мая в правление дома был направлен циркуляр жесткого и решительного содержания: заявление профсоюза рабочих и низших служащих о том, что они должны «взять на себя управление воспитательными и медицинскими учреждениями, недействительно. Только Временное правительство имеет право изменять порядок управления учреждениями, содержимыми государством и подчиненными соответствующим министерствам... Воспитательный дом должен управляться обновленным советом, пока не будет утверждён новый устав» [25].

После создания Министерства государственного призрения остроту ситуации в Москве, видимо, удалось несколько снять. В Москву был назначен уполномоченный ведомства. 30 июня 1917 г. к Министерству государственного призрения был причислен сверх штата «чиновник особых поручений IV класса» Г. П. Роттаст-Мичурин. Вопросы управления воспитательным домом в переписке с главным управлением Мариинского ведомства больше не поднимались.

Итак, можно сказать, что революционный вихрь захватил Мариинское ведомство и его самые крупные учреждения — воспитательные дома. На протяжении 1917 г. в них сложилась неустойчивая переходная — от царского времени к советскому — система управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. Т. 30 А. СПб., 1900. С. 657.
2. Гаврюшин С. И. Организационное устройство и деятельность ведомства учреждений императрицы Марии (1797–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 21–22.
3. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2227. Л. 13; д. 2354. Д. 3.
4. Вестник Временного правительства. 9 (22) марта 1917.
5. Там же. 19 марта (1 апреля) 1917.

6. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3744. Л. 8, 9.
7. Там же. Д. 3767. Л. 1.
8. Государственная Дума Российской империи. Т. 1. М., 2006. С. 270, 237.
9. РГИА. 759. Оп. 46. Д. 3769. Л. 9; д. 3770. Л. 1; д. 3772. Л. 1 — 4.
10. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 8 — 9.
11. Там же. Д. 2390. Л. 7.
12. ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. 1917. Д. 934. Л. 13 — 14, 16.
13. Там же. Л. 35, 42 — 43, 73 — 74; ф. 8. Оп. 3. Д. 1369. Л. 152; РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3775. Л. 6 об. — 7.
14. Там же. Д. 934. Л. 15.
15. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3964. Л. 131 — 131 об.
16. ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 18.
17. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2339. Л. 1 — 2.
18. Там же. Л. 6 — 6 об.; Оп. 67. Д. 182. Л. 1 — 2 об.
19. Там же. Д. 180. Л. 1 — 7; д. 216. Л. 5 об.; оп. 46. Д. 3960. Л. 165 — 166.
20. Там же. Л. 133.
21. Там же. Оп. 27. Д. 3446. Л. 34.
22. Вестник Временного правительства. 12 апреля 1917.
23. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. Л. 5, 6.
24. Там же. Л. 27; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 37.
25. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. Л. 37.

В. С. Волков

ТРЕТЬЯ МУЗА АКАДЕМИКА-ПЕДАГОГА БОРИСА ЕВГЕНЬЕВИЧА РАЙКОВА

Я знаю власть рифмующихся строк:

Я в них люблю и негодую...

Б. Е. Райков

Имя Бориса Евгеньевича Райкова (1880–1966) известно и сохраняется в памяти благодаря его заслугам в создании научных основ отечественной методики естествознания и исследованиям по истории естественных наук. Они были оценены высокими научными степенями и званиями: доктора педагогических наук, профессора, действительного члена Академии педагогических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР. Им опубликовано свыше 600 работ, в том числе около 20 книг. В 1921–1930 гг. он заведовал кафедрой методики естествознания в Петроградском — Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, а в 1945–1948 гг. работал профессором этой кафедры. До 1917 г. он был в оппозиции к царскому режиму, дважды сидел в тюрьме и дважды высылался из Петербурга под гласный надзор полиции. После октября 1917 г. плодотворно сотрудничал с советской властью, стал лидером ленинградской, по существу, Герценовской научной школы методики естествознания. Но в 1930 г. был оклеветан и приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После Великой Отечественной войны вернулся в ЛГПИ им. А. И. Герцена, но в 1948 г. был уволен по бесосновательному обвинению в принадлежности к «вейсманизму-морганизму». С 1948 по 1966 гг. работал в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР.